

После устранения экипажа галеры Хенг развил бурную деятельность. В первую очередь он оказал себе медицинскую помощь. Затем нашёл в каюте молоток и зубило, которые передал рабам. Те сами себя освободили. Как же этих инструментов не хватало до этого. Тогда можно было бы организовать массовое освобождение рабов и полноценный бунт, в котором шансы на победу были бы куда выше. Но ни один идиот не будет хранить столь ценные и опасные инструменты на палубе в пределах доступности рабов.

Дальше было сложнее. Освобождённые рабы начали выяснять отношения, хотели бежать на берег. Тут Хенгу пришлось воспользоваться добрым словом и мечом, а в таком случае, как известно, люди воспринимают информацию намного лучше. Даже с одной рукой он ловко управлялся с мечом. Привыкший повелевать людьми сотник быстро установил на галере свою диктатуру. Где угрозами, где посулами части добычи и лучшей жизни в другой стране он уговорил бывших рабов продолжить путь в Индию.

Единственная проблема заключалась в том, что никто из них не разбирался в судоходстве и не знал куда плыть. С последним Хенг разобрался. Он по памяти прошлой жизни воспроизвёл карту мира. Наиболее точно он помнил карту Японии и соседствующей Азии. Естественно, до идеальной точности там было далеко, но даже так карта была превосходной для этого времени. А плыть, держа в поле зрения берег, не так уж и сложно.

Первую неделю было тяжело. Пока новый экипаж разобрался с рулём и парусами, галера преодолела едва триста километров. Зато потом теперь уже свободные люди сами с энтузиазмом садились на весла, когда не было попутного ветра. Средняя скорость держалась в районе шести-семи узлов. За световой день судно успевало преодолеть около ста двадцати — ста сорока километров.

Ещё через три недели галера прибыла в крупнейший порт Сатаваханы под названием Вишакхапатнам.

Там Хенгу удалось распродать весь товар и продать галеру. Деньги были поделены честно: половину забрал Хенг, а половину раздал экипажу. Правда, не все бывшие рабы были довольны таким дележом. Но после пары бузотёров, отправленных к духам предков, недовольных не осталось. Тем более, доля мертвецов была поделена между остальными.

С Хенгом остались всего семеро человек. Точнее, хотели остаться многие бывшие рабы, но сотнику они были не нужны. Он выбрал лишь несломленных духом и успевших стать преданными ему людей, среди которых оказался мальчишка, с которым он сидел за одним веслом. Кулхин оказался самым преданным Хенгу, он его чуть ли не боготворил. Он сам был готов убить недовольных своим господином.

Зря в империи Хань всех остальных считают варварами. Экономическая система Сатаваханы была хорошо организована и систематизирована. Сельское хозяйство, промышленность и торговля довольно развиты для этого времени.

Как и во всех современных странах, сельское хозяйство было основным занятием большей

части местного населения. Земля принадлежала как частным лицам, так и государству.

Питание здешних людей не сильно отличалось от ханьского. На рынке продавали рис различных сортов, крупы, кунжут, шафран, бобовые, пшеницу, льняное семя, сахар и горчицу. Кроме того, имелся большой выбор овощей и фруктов.

В городе-порту имелись различные ремесленники, такие как плотник, гончар, кузнец, парикмахер, канатщик, мойщик и прочие.

В отличие от Поднебесной, где власть имела строгую вертикаль, а все рабочие либо были сами по себе, либо чьими-то крестьянами и рабами, тут в основе угла стояли гильдии. Они определяли правила работы и контролировали качество готового продукта и его цены, чтобы защитить как ремесленников, так и покупателей. Споры членов гильдии разрешаются через суд гильдии.

Гильдии также выполняют функции банкиров, финансистов и попечителей. У каждой из гильдий есть особая категория купцов, выполняющих банковские функции. Местные зовут их четтис. Процентные ставки у них, конечно, высоковаты, от двенадцати до пятнадцати процентов годовых. Но это же практически банки!

Всех спутников Хенга поразили порт. К нему шли хорошо спроектированные дороги, да и сам город прорезали качественные дороги. Архитектура на высоте. Красивые каменные храмы, подпираемые колоннами. Каменные дворцы богатей. Даже глиняные хижины бедняков располагались по строгому плану и не выглядели уродливо.

Уджу тут были не в ходу, хотя их можно было по невыгодному курсу поменять у тех же четтис. Что Хенг и сделал. Помимо своих монет он недрогнувшей рукой отправил на обмен и трофейные уджу.

Ещё одним отличием было то, что местные использовали свинцовые, серебряные и золотые монеты. Первые и вторые отлиты чеканки, словно монеты ханьских военачальников. На круглых свинцовых деньгах изображён слон. Серебряная монета имела квадратную форму, на ней была изображена корова. Золотая монета большая и круглая, идеальной чеканки. Она имела самый большой номинал и была вся расписана какими-то надписями на санскрите, в котором Хенг полный ноль. Что уж говорить о степняках с северных границ Империи Хань.

Индийцы неплохо владели математикой. Их монеты считать одно удовольствие. В одной серебряной десять свинцовых. В одной золотой десять серебряных. Итого золотой можно разменять на сотню свинцовых. А золотых у Хенга после продажи имущества купца было много. Но продал он не всё. Часть шелка и всё оружие он прихватил с собой.

Трофейное оружие пошло на вооружение его семерых спутников: луки, ножи, дубинки и копья. Мечей, к сожалению, на галере не нашлось. Свой клинок он в счёт не брал. Да и не умели степняки пользоваться мечами. Зато луки, копья и ножи им как родные. Конечно, это не элитные ханьские гвардейцы, даже на солдат регулярной армии не тянут, но по меркам степи

воинами они были неплохими. Если подучить, так и вовсе станут хорошими бойцами.

Помимо их преданности в пользу выбора именно семи спутников сыграло роль количество оружия на галере. Его хватило всего на восьмерых. Сам Хенг тоже прибрахлился копьём, ножом, луком и дорогим кинжалом, найденным в каюте купца.

Тащить же с собой бесполезный балласт с дурным нравом Хенг не собирался. Он был на девяносто процентов уверен, что бывшие рабы долго на свободе богатыми не проживут. Их либо ограбят, либо облапошат, либо они всё спустят на ерунду вроде дам лёгкого нрава, алкоголя и азартных игр. Но забирать или не отдавать честно заработные деньги он даже не думал, хотя мог. Эти люди помогли ему добраться до Индии, они достойны шанса на лучшую жизнь. Возможно, кому-то из семидесяти степняков повезёт обрести лучшую долю. К тому же, Хенг всегда старался держать своё слово. Он обещал награду, и выдал её. Не заплатить — крысиный поступок. Это как если бы работодатель не выплачивал зарплату рабочему, мотивируя это тем, что его сотрудник потратит деньги не туда. Не его дело, кто и как распорядится деньгами.

Рана на руке Хенга, нанесённая мечом, зажила рекордно быстро. А вот шрам сходил долго. Спустя месяц плавания всё ещё оставалась узкая белая полоска, будто рана была нанесена лет десять назад.

Найти в порту толмача, который знает ханьский, оказалось несложно. Нанять его на работу тоже дело пустяковое. Имея сопровождающего, который хорошо знает город и местный язык, гости с востока быстро сориентировались.

На первое время они остановились в трактире. А уже на следующий день Хенг купил дом, который принадлежал разорившемуся купцу. Просторные двухэтажные каменные хоромы стоили, как половина галеры. Несмотря на удар по бюджету, денег у Хенга осталось прилично.

Следующие полгода Чжао усиленно гонял своих людей по методикам боевых тренировок гвардейцев. Он обучал их владению мечом, копьём и секретному бою без оружия.

В дом была нанята прислуга из местных.

Все иноземцы в ускоренных темпах изучали местный язык, а Хенг ещё учил письменность. Для этого ему пришлось разориться на дорогие книги с сутрами.

Читая сутры, он поражался распушенности местных нравов. Конечно, в бытность Хизеши он слышал о Камасутре и даже читал её, но в современном варианте будущего, из которого были убраны некоторые вещи. Например, для привлечения приглянувшейся невесты там рекомендовалось предложить девочке куклу или заманить её лепестками роз, после чего древний автор предлагал обесчестить её, не оставив родителям шанса на отказ. Вот только возраст невесты... Восемь лет! Именно такой пример приводился в книге. Даже для Хенга это стало шоком. У них невест раньше двенадцати замуж не выдают. Раньше девушка женщиной чисто физиологически стать не может.

Для пополнения бюджета Хенг построил небольшую кузню, купил меди у кузнеца и научил Кулхина чеканке. Появившийся приличный запас уджу был обменян на местные монеты. Подделка денег ничуть не смущала сотника. Его пугало лишь наказание, если кто-то прознает об этом. Поэтому всё проводилось в строгой секретности от слуг и остальных подчинённых.

В принципе, при экономии Хенгу хватило бы денег лет на десять приличной жизни в окружении охраны и слуг, но он считал, что так нельзя. Нужно зарабатывать деньги, даже если кажется, будто их много.

Часто поддельные уджу лучше не продавать, иначе есть шанс раскрыться. Так что этот способ добычи средств оставался на крайний случай.

Хенг принялся размышлять о способах заработка. Наилучшим вариантом являлись инвестиции. Единственный способ инвестиций этого времени — покупка земли, лучше всего с крестьянами.

Был ещё вариант заняться торговлей, но он отбросил его.

В итоге на девять десятых имеющихся средств была куплена деревня с прилегающей землёй и людьми. Всего несколько десятков гектаров и полсотни человек, ерунда по меркам брахманов, но даже так это открыло для Хенга вход в элиту местного общества касты вайшьи.

Для увеличения прибыли нужно было повысить эффективность земледелия. Для этого Хенг ввёл ряд инноваций. Воспользовавшись деревенской кузницей и помощью кузнеца, он «изобрёл» тяжёлый плуг со стальным отвалом, не просто подрезающий, но и переворачивающий верхние пласты земли. Создал «инновационную» модель топора, более удобного для рубки деревьев. А ещё он начертил макет четырёхколесной телеги с поворотным дышлом. До этого повсеместно использовались двухколёсные телеги. А четырёхколёсные могли ехать только прямо с учётом двух впряженных волов. Для поворота такой телеге требуется большой радиус и ровная поверхность. Обычную деревенскую телегу с меньшими передними колёсами и поворотным дышлом может тащить одна лошадь. Она крайне манёвренная, по сравнению с местными телегами. Эта телега даёт ускорение передвижения грузов с меньшими затратами.

Там свинцовую монету сэкономил, тут другую, увеличил в два раза урожайность, ввёл систему треполья — на выходе приличное увеличение доходности. В итоге, деревушка на пятьдесят человек начала приносить доход, как деревня с сотней крестьян в три раза большими посевными площадями.

Через год, когда было завершено строительство хозяйского дома, он продал дом в Вишакхапатнаме и на вырученные с продажи средства купил ещё одну ближайшую деревушку. Хенг вместе со слугами и стражей, в которую превратились бывшие рабы, переехал в сельский дом.

В один мерзкий день сезона дождей, когда ливень лил стеной, в кабинет Хенга постучались. Но перед этим он почувствовал нечто. Его словно что-то разом толкнуло изнутри, будто ударило разрядом тока.

Его кабинет был оформлен в стиле конца девятнадцатого или начала двадцатого века: резная лакированная деревянная мебель, мягкий диванчик с тканевой обивкой, уютное мягкое кресло с подлокотниками и масляные светильники.

— Войдите.

— Господин, — склонилась симпатичная темнокожая служанка, её густые чёрные волосы были стянуты косынкой, а оранжевое сари не скрывало ладной фигуры. — Простите, что посмела беспокоить вас. У ворот поместья стоит бродячий брахман. Он просит крова.

Брахманы играют важную роль в этой стране. Они служат духовными наставниками в семьях большинства каст высшего или среднего статуса. Брахманы в большей мере, чем остальные варны, придерживаются занятий и профессий, которые предусматриваются их варной.

Варна — это четыре касты местного общества. Брахманы — самая старшая варна, куда входят жрецы, учёные, подвижники. Кшатрии — вторая варна, состоящая из влиятельных воинов, из кшатриев обычно избирали царей. Вайшьи — земледельцы, ремесленники, торговцы. Шудры — слуги, наёмные рабочие.

Убийство брахмана — одно из самых тягчайших преступлений.

Конечно, бродячие брахманы, то есть жрецы-йоги, считаются самыми низшими из их касты. С ними побрезгует находиться рядом любой иной брахман. Их считают бездельниками все, даже ничтожные шудры. Тем не менее, совсем голодными они не остаются, всё же жрецы. А богов у местных много. Наиболее распространенной является вера в Будду, при этом никто не запрещает молиться другим индусским богам.

За время жизни в Индии Хенг был наслышан о чудесах, которые творят жрецы. Всяким храмовым жрецам он ни на уджу не верил, а вот об удивительных способностях йогов даже при жизни Хизеши он многое слышал. Ему стало интересно посмотреть на настоящего йога.

— Пригласи брахмана в дом, — сказал он. — Дай ему умыться и сухую одежду. Накройте стол и пригласите гостя к столу. Я хочу поговорить с ним.

— Как прикажет господин.

Служанка изрядно удивилась желанию Хенга, но не посмела высказать своего изумления. Чтобы вайшьи-земледелец, да ел за одним столом с бродячим жрецом... Это что-то из разряда невозможного. А вот желание видеть гостя чистым ей было понятно. С момента начала работы

в этом доме она ещё удивлялась помешанности господина на чистоте. Он заставлял всех мыться минимум раз в день, перед каждым приёмом пищи мыть руки, а при входе в дом омывать ноги, и называл это гигиеной. Не дай боги появиться на глаза господину грязным и вонючим — наказания не избежать. Господин и сам придерживался этих правил. А ещё он заставлял кипятить питьевую воду и брать воду для питья лишь из колодца, а не как это делали все — из реки.

Долго удивление у служанки не продержалось. В очередной раз она списала странности на иноземное происхождение господина. Несмотря на это, Кири приняла близко к сердцу рассказ хозяина о злых духах, которые живут в грязи и сырой воде. Эти духи, говорил он, вызывают у людей болезни. А также он ненавидел кровососущих насекомых. Поэтому заставлял кипятить своё постельное бельё и всех мужчин в поместье принуждал бриться налысо.

Когда Хенг спустился в столовую в своём нарядном шёлковом костюме, брахман уже сидел за столом в чистой белой ткани, обернутой на манер жрецов вокруг плеч и талии, оставляя лишь голыми живот, спину, босые ноги ниже колен и руки от плеч.

Брахман был темнокожим, черноволосым и изрядно худым. На вид ему можно было дать около пятидесяти лет, о чём говорили морщины на лице и лёгкая седина в волосах.

— Здоровья вам, господин, — низко склонился бродячий жрец.

— Приветствую, — обозначил кивок подбородком Хенг, продемонстрировав небывалое уважение к низшему из касты брахманов. — Прошу за стол, присаживайся, будь моим гостем.

Стол был накрыт различными яствами: рис-карри, жареная птица, фрукты и овощной салат. От такого обилия глаза жреца разбежались. Было заметно, что он долго голодал, но при этом ел неспешно и понемногу.

После еды наступило время беседы.

— Как тебя зовут, движда (дважды рожденный, то есть прошедший посвящение и получивший священный шнур)?

— Родители нарекли меня Махендра.

— Махендра, я слышал, что йоги владеют мистическими техниками. Это так?

— Ничего мистического, добрый господин. Йога-сутры, которые я практикую, позволяют человеку стать ближе к богу. Это цель жреца. Упражнения же лишь позволяют приблизить самадхи. Самадхи — умиротворённое сверхсознательное состояние блаженного осознания своей истинной природы..

— Но йоги могут делать то, на что неспособны обычные люди?

— После длительных упражнений и медитаций, господин, йог открывает в себе сиддхиСиддхи — сверхъестественные силы, возможности, развитые благодаря духовным практикам; способность творить чудеса.. Я овладел парачиттаджнянаТелепатия, способность слышать мысли людей и животных, оттого вижу ваше желание раскрыть в себе сиддхи.

— Парачиттаджняна?! — нахмурился Хенг. — Ты научился читать мысли?

— Да, господин. Не скажу, что это даётся просто. Люди мыслят грязно. Тем спокойнее мне находится рядом с дважды рождённым.

— Ты и это понял? — ещё сильнее сдвинулись брови Хенга.

— Вы пробудили память души, — оставался спокойным жрец, — этого многие брахманы добиваются на протяжении всей своей жизни, но почти ни у кого не получается. У вас же всё неправильно. Не познав учения, уже стать движду...

— Махендра, я бы хотел учиться у тебя.

Глаза жреца хитро блеснули.

— Господин хотел бы открыть в себе сиддхи, но не прийти к самадхи...

— Даже если так, — Хенг пытался скрыть прущее из него раздражение, его нервировало то, что сидящий напротив него мужчина может читать его мысли. Отчего-то он в этом совершенно не сомневался.

— Не стоит волноваться, я стану обучать тебя, — хитро улыбнулся Махендра.

— Но почему? — Хенг позволил удивлению вырваться наружу. — Ты же сам сказал, что мне нужны лишь сиддхи.

— У каждого человека свой путь, — с невозмутимым видом философа продолжил жрец. — Во многих людях говорят низменные желания. Но в итоге, уверен, ты всё равно придёшь к пути самадхи.

После того странного разговора Махендра остался жить в поместье Хенга. Он стал его духовным наставником, передавая мудрость. Упражнения йоги, медитации и специальные голодания стали постоянными спутниками бывшего сотника. Единственной странностью было то, что стоило им разойтись на отдалённое расстояние, как при приближении к жрецу Чжао ощущал толчок по всему телу. Этой загадке он так и не нашёл объяснения, а Махендра

загадочно улыбался и всегда отвечал, что так одни движды ощущают других дважды рождённых.

Хорошо быть землевладельцем, можно не думать о хлебе насущном. Есть охрана, крестьяне приносят доход. Свободного времени вагон и маленькая тележка.

Хенга мучала скука. Он в бытность Хизеши привык к неограниченному спектру развлечений, который предоставлял интернет. Он привык к огромному потоку информации. А будучи японцем, ещё и был заядлым трудоголиком. Он не мог сидеть без дела.

Отбросив мысли о прогрессорстве, как несвоевременные, он тратил свободное время, как мог. Поэтому отдался познанию йоги с полной отдачей.

Махендра хоть и позиционировал себя в качестве аскетичного бродячего жреца, но жить в одном месте, иметь крышу над головой и стабильное трёхразовое питание ему нравилось больше, чем бродить меж сёл и городов под палящими лучами солнца и дождями. Он руками и ногами ухватился за возможность жить в комфорте. Иной вайшьи его ни за что не пустил бы на порог хозяйского дома. Тут же наивный иностранец, который дал невероятную возможность не только не отвлекаться от пути к самадхи на разные бытовые мелочи, но и дал толчок вперёд на этом поприще. Ведь человек, уча других, больше узнаёт о своём деле, чем из обычной практики.

В общем, оба остались довольны и каждый считал, что урвал свой выигрышный шанс.

Четырнадцать лет продолжалась размеренная жизнь Хенга полная практики йоги.

Деревни приносили стабильный доход. Деньги копились и вкладывались в покупку новых земель. В итоге у Хенга к этому моменту набралось пять деревень с общей численностью населения около пятисот человек.

Когда у кого-то дела идут хорошо, неизбежно появляются завистники. На выскочку-иностранца точили зуб многие соседи-землевладельцы. Они находили разные поводы для ненависти, например, неподобающее его касте занятие йогой, множество странностей, не поклонение индуским богам. Но пока шла война с династией Канва, которая тридцать пять лет назад захватила власть в соседнем королевстве Мадха и хотела ещё и завоевать власть в Сатавахане, никто из брахманов ни смел и пикнуть. В военное время суд короткий.

Но вот Сатаваханы победили и вынудили представителей династии Канва подчиниться, признав себя вассалами.

С долгой войны с богатой добычей домой вернулись воины-кшатрии. Но не всем воинам так

повезло. У многих не было за душой ни свинцовой монеты. Провинциальное болото всколыхнулось. Соседи-брахманы сговорились с нищими кшатриями о нападении на иноземца под прикрытием того, будто он иностранный шпион. В их планах было произвести захват земель соседа, после чего их планировалось поделить. Для этого следовало захватить Хенга в плен и принудить подписать бумаги о передаче собственности. В будущем это назвали бы рейдерским захватом. На крайний случай Хенга планировали убить, а документы подделать. Убить его собирались в любом случае. Мертвый не предъявит претензий, так они считали.

Ночью Хенг был разбужен дурным предчувствием. Особых успехов на пути раскрытия сиддхов он не добился, но старый йог уверял, что передал ему все знания. Осталось лишь тренироваться, медитировать на чакры, и когда-нибудь Хенг пробудит сверхспособности. Может, это будет через год, возможно, через десять лет, а при малом усердии возможно и через века. Последнее, правда, жрец говорил шутливым тоном и при этом хитро щурился. В такие моменты Хенг старался отгородить мысли о том, что он прожил на свете уже более полувека, при этом выглядит на тридцать лет и ощущает себя соответственно, то есть молодым, здоровым и полным сил. А всё потому, что первое, чему научился Хенг — скрывать свои мысли. Часто йог мог прочесть поверхностные мысли ученика, но Хенг никогда не думал о своих самых сокровенных тайнах. Он научился контролировать своё сознание, как люди учатся контролировать речь.

Хенг не отмахнулся от своих ощущений. Он понял — это оно, зачатки сиддхи. Ощущение опасности, которое передаётся через ясновидение или интуицию.

Тут же он поднял тревогу. Его небольшое воинство, следуя примеру господина, спешно вооружалось.

В отличие от Хенга, бывших рабов время не щадило. Кулхину, самому молодому из охранников, сейчас тридцать два года. А самому старому охраннику недавно стукнуло пятьдесят. По нынешним временам старик, который на удивление слуг всё ещё довольно силен и бодр благодаря гимнастике из рукопашного боя ханьских гвардейцев.

Предчувствия не подвели Хенга. Нападение! Причём до крайности наглое. К поместью приближался отряд из сорока воинов.

Дом Хенга не был предназначен для обороны. Местность в самой глубине страны, тут безопасно... по крайней мере, было. Крестьяне не бунтуют, поскольку живут относительно неплохо. Тут не принято было строить укреплённые поместья. Дом был огорожен невысокой изгородью больше предназначенной обозначить территорию хозяйского дома.

Отряд вторжения шёл вразвалочку прямо по центральной дороге от ворот, возле которых валялся труп садовника. Видимо, этого шудру убили, чтобы он не поднял тревоги.

Выйдя на шаг вперёд впереди отряда, Хенг громко воскликнул:

— Что вам понадобилось у меня дома?

Не то, чтобы мотивы кшатриев были непонятны, просто он хотел выяснить — это чья-то личная инициатива или официальная группа. Это ничего не решало, поскольку обороняться Хенг собирался в любом случае. Но почему бы не потянуть время и не выяснить важную информацию?

Один из воинов в кожаном нагруднике, в котором Хенг опознал одного из соседей-землевладельцев из касты брахманов, криво ухмыльнулся и произнёс:

— Мерзкий иноземец, ты пришёл на нашу землю и смеешь портить её своим присутствием. Сдавайся, иначе мы вас вырежем, как цыплят!

— Тебе нужно прочистить уши, Амар! Зачем вы пришли на мою землю и убили моего шудру?

— Конечно же, чтобы вернуть землю истинным владельцам! — криво усмехнулся Амар. — Если ты добровольно подпишешь бумаги, то мы оставим жизнь тебе и твоим людям.

Хенг понял, что Амар врёт. Эти люди пришли убивать. Они не собирались сохранять жизнь никому, разве что за исключением шудру. Зато стало ясно, что это не инициатива власти. Местные брахманы и кшатрии решили поживиться за счёт успешного иноземца.

— Уходите, или ваши тела останутся кормить червей!

Воины противника громко захохотали.

— Жалкий иноземец, — через губу с презрением выдал Амар, — ты слепец, если не видишь наше превосходство! Нас тут сорок воинов, а вас всего восемь, из которых шестеро старики!

— Каждый мой старик стоит пяти твоих шакалов, которых ты смеешь гордо называть воинами! Так что это вы в меньшинстве.

— Убейте всех! — приказал Амар. — А этого шудру плените!

Стоило воинам противника двинуться вперёд, как Хенг завёл руку назад и подал сигнал своим охранникам.

Готовые к бою бывшие рабы быстро извлекли из-за спин небольшие деревянные арбалеты.

Это были чо-ко-ну, стандартные ханьские скорострельные арбалеты с деревянным коробом, который вмещает десять болтов. В этом арбалете действия по натяжению тетивы, укладке болта и спуску тетивы производятся одним движением руки. Благодаря устанавливаемым на оружие магазинам с болтами многозарядный арбалет позволяет значительно увеличить темп стрельбы (примерно десять болтов за пятнадцать секунд) по сравнению с обычным арбалетом.

Для стрельбы арбалетчику необходимо лишь постоянно переводить подвижную рукоять из переднего положения в заднее (вперед-назад). Механизм сам подхватывает стрелы, опускающиеся из коробчатого магазина под действием силы тяжести, а когда стрелок притягивает рукоять в крайнее положение «на себя» — срабатывает автоспуск.

Мощность чо-ко-ну слишком слабая для дальней стрельбы. Прицелиться можно максимум на десять метров. Но отравленные наконечники болтов позволяли даже слабое ранение превратить в смертельное.

Первый же совместный залп вынес весь передний ряд атакующих. Они несильно пострадали, но раны и неожиданность слегка замедлили наступление. Промахнуться на расстоянии семи метров было практически невозможно. Заминка позволила воинам Хенга сделать ещё один выстрел. Ещё семь солдат противника получили слабые раны. Но они считай уже мертвецы.

Разозлившись кшатрии резко рванули вперёд. Они быстро сократили небольшое расстояние. Охранники Хенга, понимая, что не успеют ещё раз выстрелить, отбросили арбалеты в сторону и схватились за копья.

Кшатрии же полагались лишь на гибкие сабли. Видимо, они ожидали лёгкой прогулки, поэтому даже не взяли луков и копий. Это сыграло на руку обороняющимся. Копьё втрое длиннее сабли, оттого в первоначальной стычке оно эффективнее.

Отравленные и раненные воины начали терять силы, их опередили кшатрии из задних рядов, которые оббежали товарищей со сторон, затапывая клумбы с цветами. Они-то и были насажены на копья. Шестеро противников тут же с хрипами и криками, заливая землю кровью, отправились на встречу с предками.

Вынимать копья из ран не было времени. Хенг схватился за меч и с грозным рыком рванул вперёд. Он уже не обращал внимания на схватки охранников, лишь краями глаз старался держать своих воинов в поле зрения, чтобы не допустить окружения.

Нападающие были опытными воинами. Они ловко сражались саблями, уклонялись от ударов и грамотно теснили охрану Хенга.

На Хенга напирала сразу два кшатрия. Реакция мужчины была чисто автоматической: инстинктивно он ударил по ближайшему противнику. Клинок просвистел по воздуху и отрубил протянутую руку с зажатой в ней саблей. Сжимая рукоять оружия, отрубленная рука упала на землю. Из мускулистого обрубка брызнул фонтан крови.

Наклонившись, сотник пропустил клинок второго кшатрия над головой. Его лысину обдало ветерком, сталь просвистела в считанных сантиметрах над черепашкой.

Ответный выпад насадил противника на клинок. Ударом правой ноги он отбросил в сторону смертельно раненного противника, освобождая меч из тисков плоти и пробитого насквозь

кожаного нагрудника.

Взмахом меча он снёс голову противника, который мгновением раньше лишился кисти. Его голова слетела с плеч. Из шеи брызнул фонтан крови.

Видя это, противники расвирепели. К Хенгу устремились сразу три кшатрия.

Уголками глаз Хенг успел заметить, что его охранники гибли один за другим. Они имели отличную подготовку, но без опыта реальных боёв та была неполноценной. Оттого и гибли. Но всё же успевали ранить или убить по одному противнику.

Лишь Кулхин чудом продолжал сражаться, хотя и успел получить несколько несущественных ран.

К счастью, яд с наконечников болтов стал собирать свою жатву. Раненные кшатрии стали с хрипами валиться на землю.

Тринадцать кшатриев теперь сражались против всего двоих: Хенга и Кулхина. К счастью, трое из них были серьёзно ранены и старались не лезть в бой, а сам Амар трусливо держался позади воинов. Но даже такое соотношение — плохой расклад. Хотя гораздо лучше, чем воевать с сорока бойцами.

Хенг дико отскочил от нападающих противников и занёс клинок для мощного удара, описав широкую дугу. Удар обрушился на бок кшатрия, который неосторожно открылся, наступая с правого бока. Рёбра треснули, как гнилые ветви, и пока ещё живой мертвец с громким воплем рухнул на цветочную клумбу, обильно орошая жёлтые цветы алой кровью.

Кшатрии на миг отступили. Хрипло переводя дыхание, Хенг стал спиной к спине к Кулхину. Они заняли круговую оборону.

Воспользовавшись моментом, пока кшатрии осторожничали, Хенг левой рукой рванул из пояса тяжёлый прямой нож и метнул в ближайшего противника. С хрипом тот схватился за горло, из которого торчала рукоять ножа, и повалился на землю.

Обозлённые кшатрии кружили вокруг парочки потных, тяжело дышащих противников. Они выкрикивали грязные ругательства в их адрес, окружали и медленно сокращали расстояние.

Кулхин и Хенг медленно-медленно кружили на небольшом пятачке твёрдой утоптанной земли. Кшатрии насакивали на них по двое-трое. Пока паре удавалось отражать атаки, но они почти каждый раз получали небольшие раны.

Во время очередного наскока Кулхин не сумел отразить один удар и упал с саблей в бок.

Кровавая пелена застелила глаза Хенга. Всё его естество переполнила животная ярость. Он грозно зарычал и рванул вперёд, грозно выкрикивая боевой клич:

— БАНЗАЙ!

Широко размахнувшись, он ударил рослого воина по голове. Ловкий солдат пригнулся, и вновь сотнику пришлось поспешно отступить. Сразу трое кинулись на него с разных сторон, но он опять рванул вперёд. Наконец, меч с глухим стуком грянул о защитный тюрбан, который высоко возвышался над головой рослого соперника. Тюрбан был непростым, в него были вплетены стальные пластины для защиты. Второй удар сорвал тюрбан с головы и вонзился в череп, раскроив его на треть.

Сразу два удара пришлись на красный лакированный нагрудник ханьского воина. Броня спасла Хенга от смертельных ранений, но не смогла полностью защитить. Две глубоких раны на спине снизили мобильность воина.

Бой продолжался. Хенг крутился подобно юле, отбивая удары со всех сторон.

Каким бы умелым, ловким и сильным он ни был, шестеро на одного — это слишком много. Тем более, противники сами оказались умелыми воинами, а Хенг терял силы из-за ран.

— Банзай!

С грозным боевым кличем он вновь наскочил на противника. Со звоном отбив вражеский клинок, он отрубил ему руку по локоть. Предплечье с саблей устремилось к земле, а противник, получив серьёзную травму, с воплем выскочил из круга товарищей назад.

Краем глаза Хенг уловил движение в просвете. Хлопнула тетива, а через мгновение он ощутил укол в правое предплечье.

Амар, пока кшатрии сражались, подобрал один из ханьских арбалетов. Выждав удачное мгновение, он подстрелил Хенга.

Хенг, понимая, что отравлен и вскоре умрет, больше не экономил сил. Подобно берсерку он с налитыми кровью глазами набросился на противников. Принимая удары телом и получая небольшие и не очень раны, он рубил кшатриев. Вокруг Хенга стала расти стена трупов. Вот пал один враг от раны в сердце. Затем второй лишился головы.

В сердца оставшихся троих соперников вселился животный ужас. Но вот Хенг совершил ошибку, споткнулся и упал. В тот же миг его сердце пронзил клинок. Затем ещё один клинок распорол живот. Ещё один болт впился в левое бедро. Третья сабля распоролла мышцы левого плеча. Клинок остановила лишь кость.

Тьма затопила сознание сотника.

<http://tl.rulate.ru/book/73953/2105294>